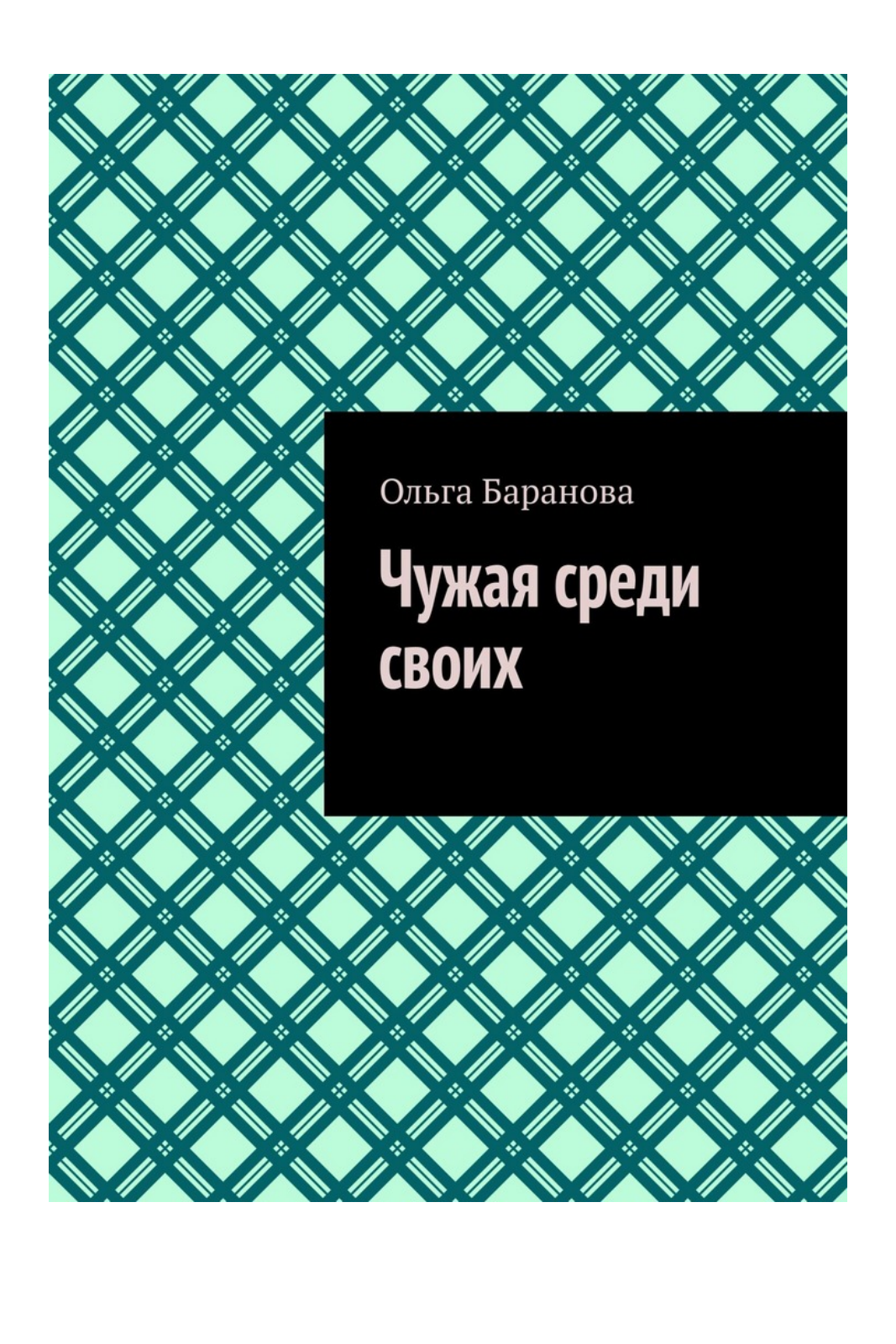

Ольга Баранова

**Чужая среди
СВОИХ**

Ольга Баранова

Чужая среди своих

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

© Ольга Баранова, 2026

Самолет терпит крушение. Выживает только она, оказавшись на необитаемом острове. Она не помнит даже своего имени, ее спасает мужчина — отшельник. Два года они живут на этом острове, в конце она узнает страшную правду

12+

ISBN 978-5-0069-5278-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Оглавление

Чужая среди своих

Часть 1. Крушение

— — Часть 2. Спаситель

Часть 3. Трещины

Часть 4. Правда

Часть 5. Финал

Часть 1. Крушение

Сначала был просто звук.

Он родился не в небе, а прямо в костях — низкий, вибрирующий гул, от которого завибрировали стаканы с соком на подносах, а у пассажиров заложило уши. Самолет тряхнуло так сильно, что женщина в кресле 14А, дремавшая под шум двигателей, больно ударилась виском о пластик иллюминатора.

Она открыла глаза. За стеклом было темно. Не просто ночная чернота, а нечто живое и маслянистое в иллюминатор хлестали струи дождя, такие плотные, что казалось, будто самолет летит сквозь водопад. Где-то на крыле, мигая красным, надрывался проблесковый маячок, и в его пульсирующем свете она успела заметить, как от фюзеляжа отрывается кусок обшивки.

— Мамочки... — послышалось сзади.

Женщина в кресле 14А хотела обернуться, но в этот момент самолет провалился вниз. В полную, абсолютную пустоту.

Внутри салона воцарилась невесомость. Те, кто не был пристегнут, взлетели к потолку, задевая головами багажные полки. Кто-то закричал, но крик утонул в диком, рвущем барабанные перепонки скрежете металла. С потолка посыпались кислородные маски — они заплясали на пластиковых трубках, как безумные марионетки.

Женщина не кричала. Она смотрела в иллюминатор.

Там, во тьме, вдруг полыхнуло. Молния ударила прямо в крыло, и на секунду ей показалось, что она видит океан. Он был не внизу, как положено, а прямо перед ними — гигантская стена черной воды, несущаяся навстречу с бешеной скоростью.

Последнее, что она запомнила перед ударом — это как чья-то рука — мужская, сильная сжимает ее ладонь через подлокотник. Она повернула голову, но вместо лица увидела лишь размытый силуэт.

А потом тишина кончилась.

Удар был такой силы, что ее сознание просто выключилось, как лампочка от скачка напряжения. Мир схлопнулся в точку, полную белого шума и боли, которая не успела даже начаться по-настоящему.

Она не поняла, что жива, пока не захлебнулась.

Вода была соленой и жгла горло. Тело билось о что-то твердое, перекачивалось, словно тряпичная кукла в стиральной машине. Кто-то невидимый тянул ее за ноги вниз, в темноту, но другая сила — волна подбросила ее вверх и с размаху швырнула на песок.

Она лежала на спине, раскинув руки, а вода вокруг нее шипела и пенилась, накрывая колени и тут же отступая, словно пробуя на вкус. Женщина открыла глаза. Над ней висело небо — серое, низкое, но уже не штормовое, а просто усталое после бури. Из него моросил мелкий дождь, холодный и противный.

Она попыталась встать, но тело не слушалось. Оно было чужим, ватным и тяжелым. Тогда она просто перевернулась на живот и ее вырвало соленой водой.

Рядом, в нескольких метрах, догорало что-то большое. Оно чадило черным жирным дымом, который ветер относил в море. Женщина смотрела на этот дым и не понимала, что это — обломок крыла самолета. Она вообще ничего не понимала. Пытаясь собраться с мыслями, она коснулась головы и почувствовала под пальцами липкую кровь, смешанную с мокрым песком.

Где-то глубоко в черепе, там, где боль пульсировала в такт сердцебиению, словно заклинило механизм. Она попыталась вспомнить свое имя. Пустота. Попыталась представить свой дом. Темнота. Она знала, что такое небо, вода, песок, но это было книжное знание, абстрактное, словно она только что родилась и смотрит на мир впервые.

— Кто я? — спросила она вслух.

Голос прозвучал хрипло и глухо. Ей никто не ответил. Только волны шумели, да где-то в наступившей тишине закричала птица.

Женщина встала на четвереньки, потом, шатаясь, поднялась на ноги. Мир качнулся, и ее вырвало снова, на этот раз желчью. Она сделала шаг к догорающему обломку, но ноги подкосились, и она рухнула лицом в песок.

Последней мыслью перед тем, как провалиться в забытие, было удивление: песок оказался теплым. Странно. При такой погоде он должен быть холодным.

Солнце. Оно палило нещадно.

Женщина очнулась от того, что кожа горела, а губы потрескались до крови. Она лежала все там же, на линии прилива, и волны уже лизали ее ступни, словно приглашая обратно в море.

С трудом, цепляясь за воздух руками, она села. Голова гудела, но в глазах больше не двоилось. Она осмотрелась. Впереди был бескрайний океан, синий до рези в глазах. Сзади была стена зелени. Пальмы, лианы, кусты с огромными листьями. Остров. Она на острове.

Память была похожа на выбеленный солнцем лист бумаги. Ни единой закорючки. Она знала, что её тело — женское, что руки у неё тонкие, без мозолей, значит, не крестьянка и не рыбака. Ногти на руках были обломаны, но кое-где сохранился бежевый лак. «Мне нравился бежевый?» — подумала она, и эта мысль показалась чужой.

Жажда была сильнее голода. Намного сильнее.

Она поползла в сторону пальм. Это заняло вечность. Каждый метр давался с трудом, песок обжигал ладони, но инстинкт самосохранения гнал её вперед.

Под пальмами она нашла то, что искала — несколько упавших

кокосов. Зеленых, тяжелых. Она смотрела на них и не знала, что делать. Откуда-то из глубин парализованного мозга всплыла картинка: кто-то разбивает орех о камень. Она нашла острый обломок коралла и, потратив час, проковыряла дыру в скорлупе.

Кокосовая вода, теплая и сладковатая, показалась нектаром богов. Она пила жадно, давясь и обливая подбородок, пока орех не опустел.

Поев мягкой мякоти, она почувствовала силы. Встала и побрела вдоль берега к тому месту, где вчера или позавчера догорал обломок. Сейчас от него остался лишь обгоревший остаток, да пятна керосина на песке. Вокруг валялись обломки кресел, куски пластика и чья-то сумка, распоротая острым металлом.

Сумка была женской, кожаной, дорогой. Внутри был намокший паспорт. Женщина открыла его дрожащими руками. Фотография. Женщина с короткой стрижкой, с легкой улыбкой. Имя: Елена Владимировна Ветрова. Дата рождения: 15 марта 1992 года.

— Это я? — прошептала она, вглядываясь в лицо на фото. Оно казалось чужим. Она провела рукой по своим длинным, спутанным, мокрым волосам. На фото волосы были короткими. «Я их отрастила? Или это не я?»

Документ ни о чем ей не говорил. Имя «Елена» звучало как имя другой женщины, далекой и незнакомой. Она сунула паспорт в карман своих порванных капри они были когда-то они были бежевыми, под цвет лака на ногтях, но потом достала и выбросила. Кому на необитаемом острове нужен паспорт?

Она решила, что раз память ушла, то и прошлого больше нет. Она станет той, кем захочет. Новой. Свободной. Ей нужно было имя, чтобы думать о себе. Простое, легкое.

— Ника, — сказала она вслух. Это имя просто пришло в голову, как откуда-то из белого шума. Может, так звали её подругу в детстве, а может, это просто звук, который ей понравился. — Меня зовут Ника.

Первые ночи были самыми страшными.

Днем Ника исследовала берег, искала еду, училась добывать огонь трением, но всё безуспешно и пряталась от солнца. Она нашла пресный ручей, впадающий в океан, и это спасло её от жажды.

Но ночью приходили они — обрывки снов.

Нике снился смех. Звонкий, залиvistый смех маленького мальчика. Она не видела его лица, только чувствовала, как маленькая ладошка сжимает ее палец. Им было хорошо, они куда-то бежали по траве, и солнце слепило глаза.

Потом картинка менялась. Темная вода. Она под водой, и вокруг медленно кружатся вещи: детская соска, мобильный телефон, чья-то туфля на каблуке. Сверху, сквозь толщу воды, пробивается тусклый свет. Она тянется к нему, но что-то держит за ногу. Она смотрит вниз и видит блеск стекла. Осколок зеркала, в котором отражается её собственное, искаженное ужасом лицо.

Ника просыпалась с криком. Сердце колотилось так, что грозило разорвать грудную клетку. Она смотрела на звезды, на шум волн и пыталась отдышаться.

— Это просто сны, — уговаривала она себя. — Мозг перебирает мусор. Там нет правды. Там ничего нет.

Но правда была. Она чувствовала её где-то под ложечкой, в том месте, где живет животный страх. В этих снах была потеря. Невыносимая, огромная потеря, которую разум отказывался принимать, спрятав её за стеной амнезии.

Однажды ночью, лёжа в шалаше, который она соорудила из пальмовых листьев, Ника долго смотрела на луну. Она была полной и яркой, дорожка от неё тянулась через весь океан прямо к её ногам.

— Кого я потеряла? — спросила она у луны.

Луна молчала. Только волны шептали в ответ что-то неразборчивое, и в этом шепоте ей слышалось: «Забудь. Забудь. Тут нет ничего, кроме тебя».

Ника прикрыла глаза, надеясь, что сегодня сны не придут. Но они пришли. Снова был смех, снова темная вода, а под конец — тишина. Та самая тишина, которая наступила в самолете за секунду до того, как двигатели взревели в последний раз.

Так прошло четыре дня. А на пятый утром, когда Ника, ослабевшая от голода и лихорадки, лежала на песке, глядя в небо, она услышала звук. Это были не волны и не птицы.

Шаги.

Кто-то шел по пляжу.

Она попыталась приподняться, но сил не было. Только повернула голову.

Из-за пальмовой рощи вышел мужчина. Он был босым, загорелым до черноты, в легких льняных штанах, обрезанных до колен. В руках он держал острогу, а на поясе висела связка рыбы. Он остановился в тени, глядя на неё.

Ника смотрела на него и не могла понять — это снова сон? Или реальность? Губы сами прошептали пересохшим ртом:

— Ты кто?

Мужчина сделал шаг вперед, и солнце осветило его лицо. Оно было спокойным, даже печальным. Он присел рядом с ней на корточки и осторожно коснулся ее лба прохладной ладонью.

— Я Даниэль, — тихо сказал он. — Не бойся. Я здесь живу. Теперь ты

в безопасности.

Ника хотела спросить еще что-то, но силы оставили её. Сознание снова померкло, но в этот раз оно угасало с чувством странного облегчения. Она была не одна. Кто-то нашел её.

И в этом «спасении» таилось что-то, от чего у неё по коже пробежали мурашки, даже в беспамятстве. Но понять, что именно, она уже не могла.

Вот художественное раскрытие второй части – «Спаситель». Здесь мы погружаемся в атмосферу тропической идиллии, показываем зарождение чувств Ники к Даниэлю и тонкой нитью проводим первые сомнения, которые она пока списывает на последствия травмы.

– – Часть 2. Спаситель

Ника очнулась не на песке.

Вокруг было темно, пахло дымом и сушеными травами. Она лежала на чем-то мягком, на самодельном матрасе, набитом сухими листьями и накрытом грубой тканью. Тело больше не горело огнем, но было ватным и слабым, словно после долгой болезни.

Над головой у нее была крыша из пальмовых листьев, сквозь которую пробивались тонкие лучи солнца. Где-то рядом потрескивал огонь.

— Очнулась? — голос был тихим, спокойным.

Ника повернула голову. Мужчина сидел у очага в центре хижины и помешивал что-то в самодельном глиняном горшке. Тот самый, из ее бреда на пляже. Даниэль.

— Я... где я? — голос прозвучал хрипло, горло саднило.

— В моем доме, — он поднялся и подошел к ней с миской в руках. — Ты была в очень плохом состоянии. Рана на голове воспалилась, началась лихорадка. Три дня ты металась в бреду.

Три дня. Она потеряла три дня жизни.

Даниэль присел рядом и протянул ей миску. Пахло рыбой и чем-то травяным.

— Выпей бульон. Медленно, глотками. Твоему желудку нужно привыкать к еде.

Ника послушно взяла теплую миску. Пальцы дрожали, но она справилась. Первый глоток обжег горло, но следом пришло тепло, разливающееся по телу. Она пила и смотрела на своего спасителя.

Он был старше ее, наверное, лет сорок. Темные волосы, выгоревшие на солнце до русого, собраны в хвост на затылке. Глаза серые, почти прозрачные, смотрели внимательно, но мягко. Глубокий загар, тонкие

морщины вокруг глаз — следы жизни под открытым небом. Но при этом в нем чувствовалась порода. Так говорят и двигаются люди, получившие хорошее образование, выросшие в больших городах, в комфорте.

— Ты долго здесь живешь? — спросила Ника, осушив миску.

— Пять лет, — ответил Даниэль просто. — Сбежал от цивилизации. Устал от шума, от людей, от фальши. Здесь нашел покой.

— И ты совсем один?

— Совсем. — Он улыбнулся, и улыбка у него была теплая, открытая. — До сегодняшнего дня.

Ника опустила глаза. Ей стало неловко — она вторглась в его личное пространство, в его убежище, как непрошенный груз.

— Я уйду, как только смогу встать, — сказала она тихо. — Не буду тебе мешать.

Даниэль тихо рассмеялся, не обидно, а скорее удивленно.

— Уйдешь? Куда? — он обвел рукой хижину. — Остров необитаем. Ближайшая земля — в тысяче миль. Корабли проходят здесь раз в полгода, да и то не всегда. Ты не уйдешь. Ты останешься. По крайней мере, до тех пор, пока не придет помощь.

Ника подняла на него глаза. В его словах не было угрозы, только простая констатация факта. Но от этого факта стало зябко.

— А если помощь не придет? — спросила она почему-то шепотом.

Даниэль посмотрел на нее долгим взглядом.

— Значит, не придет. Тогда будем жить здесь вдвоем.

Дни потянулись медленные, как тягучий тропический мед.

Первое время Ника почти не вставала. Даниэль ухаживал за ней с терпением сиделки: менял повязки на голове, поил травяными отварами, кормил рыбой и съедобными кореньями, которые находил в лесу. Он готовил удивительно вкусно — даже из скудных даров острова умудрялся создавать нечто, напоминающее о ресторанах.

Ника наблюдала за ним. Его руки — сильные, но с длинными тонкими пальцами двигались с хирургической точностью, когда он чистил рыбу или разводил огонь. Он много читал в хижине оказалась целая стопка книг, потрепанных, зачитанных до дыр. Философия, поэзия, старые романы.

— Ты был врачом? — спросила она однажды, когда он обрабатывал ее рану какой-то пахучей мазью собственного изготовления.

— Почти, — улыбнулся он. — Изучал медицину два курса. Потом бросил. Понял, что лечить души интереснее, чем тела.

— А души ты умеешь лечить?

Даниэль замер на секунду, а потом продолжил накладывать повязку.

— Иногда достаточно просто быть рядом. Не дать человеку чувствовать себя одиноким.

Ника почувствовала, как щиплет в глазах. Она отвернулась, чтобы он не заметил.

Однажды вечером они сидели у костра на пляже. Даниэль жарил рыбу на палках, а Ника смотрела на закат, он был невероятный, огненный, отражающийся в океане тысячами искр.

— Ты так и не сказала, как тебя зовут, — вдруг спросил он. — Вернее, как звали до того, как ты потеряла память.

Ника поморщилась. Она перебирала в памяти обрывки — паспорт

с чужим лицом, имя «Елена», которое отдавало холодом.

— Я не знаю, кто я, — призналась она. — Я нашла документы... Но та женщина на фото — не я. Я не чувствую ее. Понимаешь? Это какое-то другое лицо.

Даниэль кивнул, словно ожидал этого.

— Тогда зачем тебе имя, которое тебе ничего не говорит? — он протянул ей готовую рыбу на широком листе. — Ты здесь, сейчас. Ты можешь стать кем захочешь. Выбрать себя заново.

Ника задумалась. Внутри что-то откликнулось на эти слова. Выбрать себя заново. Оставить ту, другую, с короткой стрижкой и бежевым лаком на ногтях, тонуть в обломках самолета. Начать с чистого листа.

— Лия, — сказала она вдруг. Слово выплыло из ниоткуда, просто понравилось звучание. — Меня зовут Лия.

Даниэль улыбнулся — тепло, одобрительно.

— Добро пожаловать в мир, Лия.

Она улыбнулась в ответ. Впервые за долгое время — легко и свободно.

Даниэль стал ее проводником в новую жизнь.

— Смотри, — он показал ей, как очищать кокос, одним точным ударом самодельного тесака. — Главное найти мягкое место. Вот здесь, у «глазков». Если бить наугад, только раскрошишь скорлупу.

Ника пробовала, сперва неуклюже, но с каждым днем получалось все лучше. Даниэль был терпеливым учителем — никогда не повышал голос, не смеялся над ошибками, только мягко поправлял, поддерживая ее руки своими.

— Ты быстро учишься, — хвалил он.

— Учитель хороший, — отшучивалась Ника-Лия.

Он учил ее различать съедобные растения: вот этот корень сладкий, его можно есть сырым, а вот эти ягоды — смертельный яд, даже не прикасайся. Показывал, как плести сети из лиан, как ставить ловушки на крабов, как читать океан: если вода отступает далеко, значит будет шторм, если чайки кружат над берегом, то рыба подошла близко.

По вечерам они говорили.

— О чем ты думаешь, когда смотришь на звезды? — спросила Лия однажды, лежа на прогретом за день песке.

Они устроили традицию — каждый вечер встречать закат на пляже, а потом смотреть на звезды. Даниэль знал астрономию лучше любого учебника.

— О том, как мы малы, — ответил он, не отрывая взгляда от неба. — Все наши проблемы, страхи, амбиции... Посмотри на это. Миллиарды светил, многие из которых уже погасли, а свет их все идет к нам. Мы — просто пыль на ветру.

— Грустная мысль.

— Нет, — он повернулся к ней, и в темноте блеснули его глаза. — Освобождающая. Когда понимаешь, как ты мал, перестаешь бояться ошибок. Перестаешь цепляться за то, что не важно. Остается только главное.

— *И что же главное?*

Даниэль помолчал.

— Быть здесь. Сейчас. С тем, кто рядом.

Лия замерла. Ей показалось, или в его голосе прозвучало что-то большее, чем просто философское наблюдение?

Она повернула голову и встретилась с ним взглядом. Тишина между

ними наполнилась чем-то новым — теплым и тревожным одновременно.

Это случилось через месяц.

Лия уже окрепла, рана на голове затянулась, оставив лишь тонкий шрам у виска. Она помогала Даниэлю по хозяйству: чистила рыбу, собирала хворост, носила воду из ручья. Жизнь на острове обрела размеренный, почти счастливый ритм.

В тот день они купались в лагуне. Вода была прозрачной, как слеза, дно усеяно кораллами и яркими рыбами. Лия плавала, наслаждаясь прохладой, когда вдруг свело ногу.

Она вскрикнула и пошла ко дну, хватая ртом воздух.

Даниэль оказался рядом через секунду. Подхватил ее под спину, прижал к себе и вынес на мелководье.

— Тише, тише, я здесь, — бормотал он, массируя сведенную мышцу. — Дыши глубже.

Лия судорожно хватала воздух, вцепившись в его плечи. Тело постепенно отпускало, боль уходила, и только тогда она осознала, как близко он к ней.

Его лицо в сантиметрах от ее. Капли воды на ресницах. Запах моря и солнца, ввевшийся в кожу. Теплые руки на ее талии.

Сердце пропустило удар.

Даниэль тоже замер. Его взгляд скользнул по ее лицу, остановился на губах. На секунду Лии показалось, что он сейчас поцелует ее.

Но он моргнул, будто очнулся, и осторожно отпустил.

— Прости, — сказал хрипло. — Испугал тебя?

— Нет, — ответила Лия. — Спасибо.

Он помог ей выйти на берег. Они сидели на песке, глядя на воду, и молчали. Но молчание было другим, оно было наполненно тем, что не решились сказать.

Ночью Лия лежала в своей половине хижины, Даниэль отгородил ей угол циновкой и смотрела в потолок. В груди разливалось странное тепло.

— Что со мной? — думала она. — Я схожу с ума? Он просто спас меня. Он добр ко мне. Это не значит...

Но сердце билось быстрее, стоило вспомнить его глаза на мелководье.

Она поняла, что влюбляется. И это чувство было таким острым, таким живым, что затмевало все — страх, неизвестность, потерянное прошлое.

— Может, это и есть мой второй шанс? — прошептала она в темноту. — Может, судьба привела меня сюда не просто так?

Она не знала, что за тонкой циновкой Даниэль тоже не спит. Он лежит на спине, глядя в ту же темноту, и на его лице не теплота и не нежность. Сложное, тяжелое выражение. Словно он принимает решение, от которого зависит слишком многое.

Месяц перетек в другой, другой в третий.

Лия потеряла счет времени. Жизнь на острове стала единственной реальностью, которая у нее была. Прошлое таяло, как утренний туман, сны о темной воде снились все реже. Теперь ей снился Даниэль.

Они стали ближе. Не физически, хотя Лия ловила себя на том, что ищет повод прикоснуться к нему, а душевно. Он рассказывал ей о своей жизни «до»: о работе в какой-то международной компании, о женщине, которую любил и потерял — она умерла от болезни, сказал он, и в голосе его была такая боль, что Лия не решилась расспрашивать,

о разочаровании в мире людей.

— Здесь я нашел себя, — говорил он. — А теперь нашел и тебя. Словно остров ждал, чтобы подарить мне тебя.

Лия таяла от этих слов.

Она училась у него всему. Теперь она сама могла развести огонь, поймать рыбу острой, отличить съедобный корень от ядовитого. Она чувствовала себя сильной, способной, живой.

Однажды вечером, когда они сидели у костра, Лия набралась смелости и спросила:

— Даниэль... А ты никогда не хотел вернуться? В мир?

Он долго молчал, глядя на огонь.

— Зачем? — наконец ответил вопросом на вопрос. — Что там есть такого, чего нет здесь?

— Люди. Удобства. Цивилизация.

— Люди... — он усмехнулся горько. — Люди предают. Цивилизация убивает душу. А удобства... — он обвел рукой хижину, океан, звезды. — Разве это не удобства? Крыша над головой. Еда. Тепло. Ты рядом.

Лия почувствовала, как щеки заливают румянцем.

— Я рядом, — повторила она тихо.

Даниэль потянулся и взял ее руку в свою. Его пальцы были теплыми, чуть шершавыми от постоянной работы.

— Лия... Я не знаю, как долго мы здесь пробудем. Может, месяц. Может, год. Может, всю жизнь. Но я хочу, чтобы ты знала: я рад, что ты здесь. Что ты есть.

У нее перехватило дыхание.

— Я тоже рада, — еле слышно ответила она. — Ты спас мне жизнь. Ты дал мне новое имя. Новый мир. Я... я не знаю, как тебя благодарить.

Он посмотрел на нее долгим взглядом.

— Будь рядом. Это все, о чем я прошу.

В ту ночь они долго сидели у костра, и когда пламя догорело до углей, Даниэль проводил ее до циновки. Он не поцеловал ее — только коснулся губами лба, на том месте, где когда-то была рана.

— Сладких снов, Лия.

— И тебе, Даниэль.

Она лежала и улыбалась в темноте. Ей казалось, что жизнь наконец-то дает ей то, чего она была лишена. Любовь. Покой. Дом.

Она не знала, что за стеной хижины, в тайнике под корнями старого дерева, лежат вещи, которые говорят совсем о другом. Женские часы с гравировкой: «Лене от Даниэля. 10 лет вместе». Мужской бумажник с билетом на рейс 707. И фотография, на которой она с короткой стрижкой и счастливой улыбкой стоит в обнимку с Даниэлем на фоне Эйфелевой башни.

Она не знала, что Даниэль не спит. Он сидит на берегу океана и смотрит на луну с таким выражением, что становится страшно.

Она не знала, что идиллия — это всего лишь тонкая пленка на поверхности глубокой, темной воды.

Часть 3. Трещины

В тот день океан был тихим, но Ника впервые почувствовала от него угрозу. Игрушка лежала на полосе прибоя, неестественно яркая на фоне серого песка и выбеленных солнцем коряг. Резиновый утенок, желтый, с глупо удивленной мордочкой. Ника подняла его. Он был чистым. Смытый рисунок краски еще читался на боку, пластик не успел потускнеть от соли.

— Весь мир — помойка, — раздался за спиной голос Даниэля. — Течения приносят мусор отовсюду. Из Южной Америки, даже из Японии. Игрушки часто.

Он улыбался, но Ника смотрела на утенка и думала о другом: этот мусор приходит с вещами людей. С обломками их жизней. Она сунула игрушку в карман куртки, не зная зачем.

В хижине, оставшись одна, она не могла найти себе места. Ее взгляд снова упал на корешок книги, торчащий из-под груды старых журналов на полке. Даниэль ушел за водой к ручью — времени было достаточно.

Книга оказалась тяжелой, в твердом переплете, немного разбухшей от влажности. Роман, который она когда-то хотела прочитать, но так и не купила. Ника открыла форзац.

Сердце пропустило удар, а потом запустилось в бешеный галоп.

Дарственная надпись была сделана уверенным, летящим почерком синими чернилами:

«Моей жене Лене. Пусть эта история будет такой же светлой, как ты. С любовью навсегда. Твой К.»

Чернила не выцвели. Буква «К» царапнула по глазам.

Это ничего не значило. Мало ли на свете Лен и мужчин на букву К. Мало ли книг дарят женам. Но пальцы, державшие книгу, онемели. В голове билась одна мысль: Костя. Ее муж. Который остался в городе, пока она торчит здесь, «лечится от выгорания» по совету его же психотерапевта.

Она резко захлопнула книгу, сунула ее обратно, стараясь положить точно так же, как лежала. Руки тряслись. Она села на кровать, пытаясь отдышаться.

«Это паранойя, — сказала она себе. — Ты теряешь связь с реальностью».

Но утенок в кармане куртки, казалось, жег ей бедро своим пластиковым теплом.

Ночью сон пришел сразу, тяжелый и вязкий.

Она снова была в самолете. Салон тонул в синем полумраке, гудели двигатели. Но теперь она видела не только иллюминатор. Рядом, в соседнем кресле, сидел мужчина. Она не могла разглядеть его лица — оно было словно в тени, но чувствовала его руку. Его пальцы крепко сжимали ее ладонь, и это было до боли знакомо. Надежно. Родное.

— Не бойся, — сказал он. Голос был как сквозь вату, но от него по спине побежали мурашки. — Я рядом.

А потом мир взорвался.

Слепящий свет, адский грохот, переламывающийся пополам фюзеляж. Нику швырнуло куда-то вниз, в черноту, но она не отпускала его руку.

Падение, удары, боль, тишина, заползающая в уши ватой.

А затем сквозь тишину прорезался звук, от которого у Ники во сне остановилось сердце.

Детский плач. Тонкий, надрывный, требующий помощи. Он доносился откуда-то из-под обломков, из темноты.

Ника проснулась резко, будто вынырнула из ледяной воды.

В хижине было тихо. Даниэль ровно дышал на своей циновке.

Она села, хватая ртом воздух. Сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь в висках.

Детский плач больше не звучал, но эхо его осталось внутри нее, превратившись в холодную, вязкую уверенность: самолет, который разбился, снился ей не просто так. И мужчина рядом с ней он

существовал.

Ника посмотрела на свои руки. Они снова были сжаты в кулаки, будто все еще держали чью-то ладонь.

В голове, перекрывая шум прибоя, стучала новая, чудовищная мысль: если она выжила, то кто еще мог выжить? И почему Даниэль уверяет, что она здесь единственный человек?

Она медленно повернула голову и посмотрела на спящего хозяина хижины. В лунном свете его лицо казалось безмятежным. Или просто каменным.

Часть 4. Правда

Три дня Ника притворялась.

Она пила его травяной чай, кивала, слушая истории о течениях и звездах, и даже заставила себя улыбаться, когда Даниэль в очередной раз пошутил о том, как городские жители не умеют разводить огонь. Но внутри нее работал механизм, холодный и четкий, как швейцарские часы.

Она ждала момента.

Даниэль уходил на ловлю тунца каждое утро, когда солнце только начинало золотить горизонт, и возвращался к обеду. У нее было около трех часов. Ника изучила береговую линию, заросли пандануса и подходы к скалам, которые видела из хижины. Вчера ей показалось, что в одной из расщелин, высоко над линией прилива, ветки лежат слишком ровно будто их кто-то навалил специально, чтобы что-то скрыть.

На третий день она решилась.

Путь к скалам занял полчаса. Карабкаться по острым камням было трудно, куртка рвалась о колючие кусты, но Ника лезла вперед, цепляясь за выступы. Сердце колотилось не столько от усилий, сколько от предчувствия.

Расщелина оказалась глубже, чем казалось снизу. Ветки, сухие и колючие, действительно скрывали вход в небольшой грот. Ника отшвырнула их и втиснулась внутрь.

Глаза привыкли к полумраку. В углу, на ровной каменной плите, лежал рюкзак. Старый, выцветший на солнце, но не тронутый временем. Рядом стояла жестяная коробка из-под печенья.

Руки Ники дрожали, когда она открывала коробку.

Сверху лежали часы. Женские, изящные, с браслетом-змейкой из белого золота. Ника перевернула их, на задней крышке была

гравировка. Она провела пальцем по буквам: «Лене. С каждым тиком мое сердце бьется для тебя. К.»

Воздух закончился в легких. Ника положила часы рядом с собой, словно они обжигали, и запустила руку глубже.

Бумажник. Черная кожа, дорогая, немного потертая по углам. Она открыла его. Прозрачное окошко с правами — мужское лицо, показавшееся смутно знакомым. Фотография женщины та же, с короткой стрижкой. И билет.

Авиабилет компании «Глобал Эйр». Рейс 707. Направление: Сингапур — Мельбурн. Дата. Место 14А.

Руки Ники похолодели, хотя в гроте было душно. Тот самый рейс. Номер, который она видела в новостях? Или который ей снился?

На дне коробки, придавленная какими-то счетами и выцветшими квитанциями, лежала фотография. Ника вытащила ее, уже зная, что увидит, но не в силах остановиться.

На фото был Даниэль. Молодой, загорелый, счастливый, в той же самой гавайской рубашке, которая сейчас висела на гвозде в хижине. Он обнимал женщину. Женщина смеялась, запрокинув голову, и вся ее поза выражала абсолютное доверие и нежность.

У женщины было лицо Ники.

Те же глаза, тот же разрез, та же родинка над губой. Но стрижка короткая, мальчишеская, которую Ника никогда не носила. И выражение лица — расслабленное, легкое, не отравленное вечной тревогой.

Ника смотрела на свое собственное лицо, смеющееся в чужих объятиях, и чувствовала, как земля уходит из-под ног. Кто эта женщина? Почему она похожа на нее, как сестра? И почему ее обнимает Даниэль, Даниэль, который клялся, что никогда раньше не видел Нику?

Тишина сзади стала плотной. Ника почувствовала ее кожей, еще до того, как услышала скрип камня под ногой.

— Ты не должна была этого находить, Лена.

Голос Даниэля был тихим, без злости. В нем звучала только усталость, глубокая, вековая усталость человека, который слишком долго нес непосильный груз.

Ника медленно обернулась, прижимая фотографию к груди как щит. Он стоял на фоне яркого солнца, в проеме грота, и его лица было не разглядеть, только темный силуэт.

— Лена? — эхом отозвалась Ника. Голос прозвучал хрипло, будто чужой. — Меня зовут Ника.

Даниэль шагнул внутрь, и свет упал на его лицо. Оно было серым, глаза покрасневшими. Он смотрел на фотографию в ее руках, и в этом взгляде было столько боли, что Нике захотелось закрыться.

— Нет, — тихо сказал он. — Ты — Лена. Моя жена. А Ника — это имя, которое ты придумала себе сама. После того, как попыталась забыть.

Ника отшатнулась, ударившись спиной о стену грота. Камень впился в лопатки, но она не почувствовала боли.

— Ты врешь, — ответила она. — Я никогда тебя не видела. Я прилетела сюда неделю назад. Я упала с самолета, я...

— Ты не падала с самолета неделю назад, — перебил Даниэль. Голос его дрогнул. — Ты упала с неба два года назад. Рейс 707 разбился при заходе на посадку из-за грозового фронта. Выжили только двое. Ты... и ребенок. Наш ребенок.

Часть 5. Финал

Слова Даниэля повисли в спертom воздухе грота тяжелым, влажным покрывалом.

— Ребенок? — переспросила Ника. — Какой ребенок?

Она смотрела на него и видела, как дернулась жилка на его виске. Вранье? Правда? Она больше не понимала ничего. Фотография в ее руках казалась уликой с места преступления, а Даниэль — то ли спасителем, то ли тюремщиком.

— Наш сын, — тихо сказал он, делая шаг к ней. — Миша. Ему было три года. Он... он не выжил, Лена. Я нашел тебя на берегу через два дня после крушения. Ты была без сознания, держала в руке его носочек. Когда ты очнулась, ты ничего не помнила. Ни меня, ни его, ни того, что мы летели разводиться. Я подумал... я решил, что так лучше. Ты страдала бы невыносимо.

Ника смотрела в его глаза — влажные, умоляющие и чувствовала, как внутри нее что-то разрывается. Часть ее, самая слабая, самая уставшая от одиночества, хотела поверить. Упасть в его объятия, позволить утешить себя, принять эту новую реальность, где она не одна, где у нее есть имя — Лена, и муж, который ее любит.

Но другая часть, та, что заставляла ее выживать в ледяной воде, та, что толкнула обыскать остров, — эта часть не верила ни единому его слову.

— Почему ты не сказал мне сразу? — спросила она, глядя ему прямо в глаза. — Если ты меня так любишь, почему позволил мне мучиться от вопросов? Почему прятал вещи здесь, в тайнике?

Даниэль отвел взгляд. Всего на секунду. Но этой секунды Нике хватило.

— Я боялся тебя потерять, — глухо ответил он. — Ты стала другой. Ника была легче, свободнее. Лена страдала. Я хотел, чтобы ты была счастлива.

— Ты хотел, чтобы я была удобной, — поправила она.

В хижину той ночью они вернулись молча. Даниэль развел огонь, сварил ужин, но Ника не притронулась к еде. Она сидела у окна и смотрела на океан, перебирая в памяти обрывки снов. Мужчина в кресле. Рука, сжимающая ее ладонь. Детский плач.

Она ждала, когда Даниэль уснет.

Он уснул под утро, когда небо начало светлеть. Ника подождала еще полчаса, слушая его дыхание, потом бесшумно соскользнула с кровати, натянула куртку и выскользнула из хижины.

Дорогу на другую сторону острова она запомнила по его рассказам. «Там опасно, скалы обрывистые, не ходи туда», — говорил он. Значит, именно туда ей и нужно.

Она шла почти два часа. Солнце поднялось высоко, когда она, обогнув очередной скалистый выступ, замерла.

Обломки фюзеляжа лежали в небольшой низине, поросшие мхом и вьющимися растениями. Природа сделала свое дело, затягивая рану зеленым, но очертания самолета угадывались — исковерканный металл, остатки крыла, торчащие из кустов, как скелет доисторического чудовища.

Ника пошла вперед, не чувствуя ног. Сердце билось где-то в горле, мешая дышать.

Она узнала салон по остаткам кресел, торчащим из земли. Ряды, покрытые мхом, уходящие вниз под уклон. Десятый, одиннадцатый, двенадцатый... Четырнадцатый ряд.

Она остановилась.

Два кресла, сросшиеся с землей, между ними — прогнивший

подлокотник. А у второго кресла, там, где должен быть проход, — детское автокресло. Маленькое, синее, перевернутое, вросшее в траву.

Ника подошла ближе, ноги подкашивались. Она опустилась на колени.

Рядом с автокреслом, в высокой траве, лежала туфелька. Маленькая, синяя, с застежкой-липучкой и наклейкой динозавра на носке.

Пальцы Ники сомкнулись на ней.

И мир взорвался.

Вспышка и она не Ника, не на острове, она в самолете. Гул двигателей, запах кофе, кондиционеры. Рядом — Костя, ее муж, смотрит в иллюминатор. На коленях у нее ерзает Миша, тыкая пальчиком в планшет.

— Мама, смотри, динозавр!

— Вижу, солнышко.

Костя поворачивается к ней. Лицо напряженное, злое.

— Лена, давай не при ребенке. Мы решим это в Мельбурне. Я не отдам тебе опеку просто так.

— Ты мне изменял два года, — шипит она в ответ. — Ты думаешь, суд будет на твоей стороне?

Миша на руках чувствует напряжение, начинает хныкать. Костя встает, расстегивает ремень.

— Я в хвост, за полотенцем. Успокой его.

Он уходит. Лена прижимает Мишу к себе, шепчет: «Тише, малыш, все хорошо».

А потом — удар.

Самолет проваливается вниз. Свет мигает, грохот, крики, маски падают сверху. Лена прижимается к Мише, закрывает его собой. Еще удар, сильнее, ее швыряет вперед, она вылетает из кресла, но рука тянется к сыну, она видит его лицо, испуганные глаза, открытый рот...

Темнота.

Ника — нет, Лена — открыла глаза. Она стояла на коленях в траве, сжимая туфельку. Щеки были мокрыми от слез, но она не помнила, когда начала плакать.

Она помнила все.

Она помнила, как летела с мужем, который разбил ей сердце. Помнила, как он ушел в хвост самолета за несколько минут до катастрофы. И помнила главное: Миша был с ней. Он был в этом автокресле. И когда самолет падал, она держала его.

Она посмотрела на кресло. Оно было пустым. Маленьким, синим, навсегда пустым.

Где его тело? Почему она выжила, а он нет? И где был Костя — Даниэль в тот момент, когда самолет разваливался на части?

— Ты нашла.

Голос сзади прозвучал тихо, почти нежно. Лена не обернулась. Она смотрела на туфельку и ждала.

— Я искал тебя, — продолжил Даниэль. Он подошел ближе, остановился в паре метров. — Когда самолет начало трясти, я уже был в хвосте. Меня выбросило одним из первых. Я пытался вернуться, Лена. Клянусь, я пытался. Но фюзеляж переломился...

— Ты врешь, — голос Лены был ровным, мертвым. — Ты встал и ушел. Ты оставил нас.

— Я не знал, что так выйдет!

— Ты знал, что развод будет сложным. Ты знал, что я заберу у тебя все. И ты просто... ушел. В хвост. За минуту до катастрофы. Удобно, правда?

Тишина повисла между ними, тяжелая, как свинец. Где-то вдалеке кричали птицы, океан бился о скалы внизу.

— Я люблю тебя, — сказал Даниэль. Голос его дрогнул. — Эти два года... они были лучшими в моей жизни. Я знаю, что поступил неправильно. Я испугался. Но когда я нашел тебя на берегу, живую, я поклялся себе, что больше никогда тебя не потеряю. Даже ценой лжи.

Лена медленно поднялась, сжимая туфельку в кулаке. Она повернулась к нему.

Он стоял на фоне неба — голубого, бесконечного, райского. Красивый, любящий, кающийся. Протягивал к ней руку.

— Мы можем начать сначала, — тихо сказал он. — Здесь никого нет. Мы одни. Мы построим новую жизнь. Забудем прошлое.

Лена посмотрела на его руку. Потом перевела взгляд на туфельку в своей ладони. Маленький динозавр на носке улыбался ей, как улыбался Миша каждое утро, когда она будила его в детский сад.

— Я никогда не забуду, — сказала она. — И ты не имеешь права просить меня об этом.

Она шагнула назад. Край обрыва был в метре за ее спиной. Внизу шумел океан, разбиваясь об острые камни.

Даниэль побледнел.

— Лена, не надо. Пожалуйста. Мы все решим. Я уйду, если хочешь. Я сяду в лодку и уплыву. Только не делай этого.

Она смотрела на него и видела не мужа, не спасителя, не тюремщика. Она видела труса, который выбрал себя. Который позволил ей жить во лжи два года, потому что так было удобно ему. Который лишил ее памяти о сыне.

— Где его тело? — спросила она.

Даниэль молчал. Опустил глаза.

— Где тело моего ребенка, Костя?

— Я похоронил его, — выдавил он. — Там, за скалами. Я не мог тебе сказать, ты бы...

— Ты закопал моего сына без меня.

Это прозвучало не как обвинение. Как приговор.

Лена еще раз посмотрела на тужельку. Потом на океан внизу. Потом на человека, который называл себя ее мужем.

Она шагнула вперед.

Даниэль вздрогнул, дернулся к ней, но она не пошла к обрыву. Она пошла к нему. Медленно, глядя прямо в глаза. Остановилась вплотную.

— Ты хочешь начать сначала? — спросила она тихо. — Хочешь жить здесь, в раю, забыв прошлое?

Он судорожно кивнул.

— Хорошо, — сказала Лена. — Мы останемся. Мы будем жить. Но знай: каждое утро, просыпаясь, я буду вспоминать его лицо. Каждую

ночь, засыпая, я буду слышать его голос. И каждый раз, глядя на тебя, я буду видеть человека, который оставил нас умирать. Это и будет наш рай, Костя. Наш личный ад на двоих.

Она разжала пальцы и посмотрела на туфельку. Та упала в траву, мягко, беззвучно.

Лена пошла мимо Даниэля, обратно к хижине, не оборачиваясь. Он стоял и смотрел ей вслед, не в силах двинуться с места.

Ветер донес запах океана и крики птиц.

Туфелька осталась лежать в траве, маленькая, синяя, с улыбающимся динозавром. А над островом, как и два года назад, сияло безупречно голубое небо.